

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

ГРАНИЦА МЕЖДУ СТАТЬЯМИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Турдалиев Мухаммад Али Пулатжон угли
доктор философии по юридическим наукам
самостоятельный соискатель Высшая судебная академия
Республики Узбекистан

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена разграничению режимов гражданско-правовой ответственности при причинении вреда в результате работы систем искусственного интеллекта в трансграничных торговых отношениях. Автор обосновывает, что общее отнесение таких систем к источникам повышенной опасности не имеет достаточных оснований, поскольку институт исторически сложился применительно к деятельности, связанной с физической опасностью, тогда как вред в торговом обороте носит преимущественно имущественный и информационный характер. Предлагается критерий разграничения: статья 999 Гражданского кодекса применяется лишь при управлении системой физическим процессом, механизмом или устройством, в остальных случаях применяется статья 1017 либо общие основания ответственности. Рассматривается проблема доказывания дефекта самообучающейся системы и предлагается опровержимая презумпция дефекта при непредставлении технической документации. Исследуется также коллизионное значение проведённого разграничения.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

Ключевые слова: источник повышенной опасности, ответственность за недостатки товара, искусственный интеллект, дефект, презумпция дефекта, фактический контроль, бремя доказывания, трансграничная торговля, применимое право.

ANNOTATSIYA

Maqola transchegaraviy tijorat munosabatlarida sun'iy intellekt tizimlarining ishlashi natijasida zarar yetkazilganda qo'llaniladigan fuqarolik-huquqiy javobgarlik rejimlarini farqlashga bag'ishlangan. Muallif bunday tizimlarni umumiy tarzda oshiqcha xavf manbai deb tan olish yetarli asosga ega emasligini asoslaydi, zero institut tarixan jismoniy xavf bilan bog'liq faoliyatga nisbatan shakllangan, tijorat obroti doirasidagi zarar esa asosan mulkiy va axborot xarakteriga ega. Farqlash mezoni taklif etiladi: Fuqarolik kodeksining 999-moddasi faqat tizim jismoniy jarayonni, mexanizmni yoki qurilmani boshqargan hollarda qo'llaniladi, qolgan hollarda 1017-modda yoki javobgarlikning umumiy asoslari amal qiladi. Shuningdek o'z-o'zidan o'qiydigan tizimdagi nuqsonni isbotlash muammosi ko'rib chiqiladi va texnik hujjat taqdim etilmaganda nuqson prezumpsiyasini qo'llash taklif qilinadi. Muallif javobgarlikni ishtirokchilar o'rtasida haqiqiy nazorat mezoni bo'yicha taqsimlashni hamda farqlashning kollizion ahamiyatini alohida asoslaydi.

Kalit so'zlar: oshiqcha xavf manbai, nuqsonli tovar uchun javobgarlik, sun'iy intellekt, nuqson, nuqson prezumpsiyasi, haqiqiy nazorat, isbotlash yuki, transchegaraviy tijorat, qo'llaniladigan huquq.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

ANNOTATION

The article addresses the delimitation of civil liability regimes applicable to harm caused by the operation of artificial intelligence systems in cross-border commercial relations. The author argues that the general classification of such systems as sources of increased danger lacks sufficient justification, since the institution historically developed in relation to activities involving physical danger, whereas harm arising in commercial turnover is predominantly proprietary and informational in nature. A delimiting criterion is proposed: Article 999 of the Civil Code applies only where the system controls a physical process, mechanism or device, while in other cases Article 1017 or the general grounds of liability apply. The article further examines the difficulty of proving a defect in a self-learning system and proposes a rebuttable presumption of defect where technical documentation is withheld.

Keywords: source of increased danger, product liability, artificial intelligence, defect, presumption of defect, actual control, burden of proof, cross-border trade, applicable law.

Введение

Применение систем искусственного интеллекта в трансграничной торговле поставило перед гражданским правом вопрос, который не имеет готового ответа в действующем законодательстве: по какому режиму наступает ответственность за вред, причинённый в результате работы такой системы. Практическая значимость вопроса определяется тем, что выбор режима предопределяет и наличие вины как условия ответственности, и распределение бремени доказывания, и в конечном счёте экономическую привлекательность самой технологии для участников оборота.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

В доктрине государств СНГ сформировалось предложение рассматривать искусственный интеллект как источник повышенной опасности и распространять на него режим, закреплённый в статье 999 Гражданского кодекса Республики Узбекистан¹. Привлекательность такого подхода очевидна: он освобождает потерпевшего от доказывания вины и тем самым решает наиболее трудную процессуальную задачу. Однако привлекательность решения не тождественна его обоснованности.

В настоящей статье обосновывается следующий тезис. Общее отнесение систем искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности не имеет достаточных оснований. Статья 999 подлежит применению лишь в тех случаях, когда система управляет физическим процессом, механизмом или устройством. В остальных случаях, когда вред вызван дефектом самой системы, применяется статья 1017 об ответственности за недостатки товара, а при отсутствии и дефекта, и физического процесса ответственность наступает на общих основаниях по статье 985.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и коллизионный методы. Источниковую базу образуют нормы раздела VI Гражданского кодекса, унифицированные международные акты, акты Европейского союза и доктринальные источники.

1. Постановка проблемы: доктринальная дискуссия

Сторонники распространения режима источника повышенной опасности на искусственный интеллект опираются на два довода. Первый состоит в непредсказуемости поведения самообучающейся системы: её действия не могут быть полностью предвидены даже разработчиком. Второй сводится

¹ Гражданский кодекс Республики Узбекистан, статья 999.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

к невозможности доказать вину конкретного лица, поскольку внутренний механизм принятия решения технически невоспроизводим.

Оба довода описывают реальные трудности, однако ни один из них не образует признака, характеризующего источник повышенной опасности. Непредсказуемость сама по себе не является юридическим критерием: непредсказуемыми бывают и действия контрагента, и колебания рынка. Невозможность доказывания представляет собой процессуальную проблему, и решать её следует процессуальными средствами, а не переносом материально-правового режима.

К этому следует добавить и третий довод, который в литературе обычно остаётся без внимания. Институт источника повышенной опасности предполагает фигуру владельца, то есть лица, осуществляющего владение объектом на законном основании и извлекающего из него полезные свойства. Применительно к системе, размещённой в облачной инфраструктуре и доступной по подписке, конструкция владения утрачивает определённую: пользователь не владеет ни программным обеспечением, ни вычислительными мощностями, а поставщик не контролирует конкретную операцию, выполняемую по заданию пользователя. Таким образом, затруднение возникает уже на стадии определения ответственного лица.

Существенно и то, что обсуждаемое предложение формулируется в общем виде, то есть безотносительно к функции конкретной системы. При таком подходе один и тот же режим применялся бы и к системе управления беспилотным транспортным средством, и к чат-боту, формирующему коммерческое предложение. Между тем характер возможного вреда в этих случаях принципиально различен.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

2. Природа режима статьи 999 и его исторические границы

Институт ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности, сложился применительно к деятельности, связанной с физической опасностью для окружающих: использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, взрывчатых веществ, осуществление строительной деятельности². Аналогичная конструкция закреплена и в законодательстве других государств постсоветского пространства³.

Законодатель возлагает на владельца такого источника повышенное бремя по двум причинам. Во-первых, деятельность создаёт повышенную вероятность причинения вреда жизни, здоровью и имуществу вследствие невозможности полного контроля над проявлениями природных или механических сил. Во-вторых, владелец извлекает выгоду из этой деятельности и потому должен нести связанный с нею риск.

Применительно к системам искусственного интеллекта первая причина отсутствует в большинстве случаев. Подавляющая часть вреда, причиняемого в торговом обороте, носит имущественный или информационный характер: неверно сформированная цена, ошибочная рекомендация, необоснованный отказ в заключении договора. Такой вред не связан с проявлением неподконтрольных физических сил, а потому не отвечает признаку, лежащему в основе института.

Показательно и то, что перечень видов деятельности, приводимый в законе, носит открытый характер, однако расширение перечня осуществляется по признаку сходства с уже названными видами. Сходство же устанавливается не по степени технологической сложности, а по характеру создаваемой

² Гражданский кодекс Республики Узбекистан, статья 999, часть первая.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая, статья 1079.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

опасности. Система, формирующая текст или рекомендацию, не обнаруживает такого сходства ни с эксплуатацией транспортного средства, ни с использованием механизмов.

Вторая причина, напротив, сохраняется, однако она обосновывает не режим источника повышенной опасности, а иные конструкции возложения риска, в том числе ответственность за недостатки товара и договорное распределение риска.

3. Критерий разграничения

Изложенное позволяет сформулировать критерий разграничения: статья 999 подлежит применению тогда и только тогда, когда система искусственного интеллекта управляет физическим процессом, механизмом или устройством и вред причинён в результате работы этого процесса.

Критерий обладает тремя достоинствами. Он опирается на признак, уже заложенный в самом институте, и потому не требует изменения его природы. Он поддаётся проверке: функция системы фиксируется в технической документации и в договоре. Наконец, он не зависит от уровня технологической сложности, а значит, сохраняет работоспособность при смене поколений технологий.

Проиллюстрируем применение критерия. Система, управляющая складской робототехникой и причинившая повреждение имуществу при перемещении груза, подпадает под статью 999. Система, формирующая коммерческое предложение с ошибочной ценой, под неё не подпадает, поскольку физический процесс здесь отсутствует. Система скоринга, по результатам которой контрагенту отказано в поставке на условиях отсрочки, также находится за пределами действия статьи 999.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

Отдельного внимания заслуживают пограничные случаи. Если система формирует рекомендацию, а физическое действие совершает человек, статья 999 не применяется, поскольку причинная связь опосредована решением человека; вопрос решается по общим основаниям с учётом того, был ли обеспечен надлежащий человеческий надзор. Если же система управляет процессом дистанционно, через сеть, то опосредованность технического канала не имеет значения: определяющим остаётся то, что физический процесс управляется системой.

Такой подход согласуется и с европейским регулированием, которое дифференцирует требования к системам в зависимости от сферы их применения и характера возможных последствий, а не от технологической сложности как таковой⁴.

4. Статья 1017 и проблема дефекта в самообучающейся системе

Если физический процесс отсутствует, но вред вызван недостатком самой системы, применению подлежит статья 1017 Гражданского кодекса, устанавливающая ответственность за вред, причинённый вследствие недостатков товара, работы или услуги⁵. Этот режим также не требует доказывания вины, однако требует доказывания дефекта, и именно здесь возникает основная трудность.

Применительно к детерминированному программному обеспечению дефект устанавливается сравнительно просто: поведение программы сопоставляется с её спецификацией. Самообучающаяся система работает на вероятностной основе и не обязана давать одинаковый результат при

⁴ Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, статья 6 и приложение III.

⁵ Гражданский кодекс Республики Узбекистан, статья 1017.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

одинаковых входных данных. Отклонение результата от ожидаемого само по себе не свидетельствует о дефекте.

Выход состоит в том, чтобы определять дефект не через единичный результат, а через согласованные показатели качества и методику их измерения. Нарушение устанавливается применительно к пороговым значениям точности, допустимой погрешности и устойчивости работы, зафиксированным в договоре. Показатель, для которого методика измерения не определена, не может служить основанием требования.

Вторая трудность носит доказательственный характер: сведения о внутренней работе системы находятся исключительно у поставщика. Европейский законодатель решает эту задачу через обязанность раскрытия доказательств и систему опровержимых презумпций: при необоснованном отказе от раскрытия технической документации дефект предполагается установленным⁶. Представляется, что аналогичная конструкция необходима и для применения статьи 1017, иначе норма сохранит лишь формальное значение.

Третья трудность связана с изменчивостью системы. Классическая конструкция ответственности за недостатки исходит из того, что дефект существовал в момент выпуска товара в обращение. Система искусственного интеллекта продолжает изменяться после передачи: она обновляется, дообучается, использует внешние источники данных. В результате возникает вопрос о том, относится ли возникший позднее недостаток к сфере ответственности поставщика. Представляется, что ответ должен зависеть от того, находилось ли соответствующее изменение под контролем поставщика; обновление, осуществлённое им самим,

⁶ Директива (ЕС) 2024/2853 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об ответственности за дефектную продукцию, статьи 9 и 10.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

охватывается его ответственностью, тогда как изменение, вызванное действиями пользователя, относится к сфере последнего.

Следует отметить и расширение понятия товара: современное регулирование прямо относит программное обеспечение к продукции, на которую распространяется режим ответственности за недостатки⁷. Прежний подход, связывавший этот режим преимущественно с материальными вещами⁸, в условиях цифровой экономики утратил достаточность.

5.Критерий фактического контроля при распределении ответственности

Определение режима ответственности не отвечает на вопрос о том, кто именно отвечает. В отношениях с участием систем искусственного интеллекта цепочка лиц удлиняется: разработчик модели, лицо, осуществившее её обучение, поставщик, оператор инфраструктуры и пользователь.

Предлагается распределять ответственность по критерию фактического контроля над обеспечением надлежащей работы системы. К сфере контроля поставщика относятся проектирование и обучение модели, определение её параметров, техническая инфраструктура, обновления и предоставление информации о системе. К сфере контроля пользователя относятся выбор входных данных и их качество, цель использования, организация человеческого надзора и способ использования результата. При

⁷ Там же, статья 4 (понятие продукции).

⁸ Директива Совета 85/374/ЕЭС от 25 июля 1985 года о сближении законодательства государств-членов об ответственности за дефектную продукцию.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

одновременном наличии обстоятельств из обеих сфер ответственность распределяется соразмерно степени влияния.

Критерий фактического контроля согласуется с подходом европейского регулирования, возлагающего на пользователя самостоятельные обязанности по надлежащей эксплуатации системы⁹, и позволяет избежать как возложения всего риска на поставщика, так и освобождения его от ответственности ссылкой на автономность системы.

Критерий фактического контроля имеет и регрессное измерение. Если вред причинён третьему лицу и возмещён одним из участников цепочки, окончательное распределение между участниками производится по тому же критерию. При этом в трансграничных отношениях регрессное требование осложняется двумя обстоятельствами: применимое к нему право определяется самостоятельно, а договорные ограничения ответственности поставщика нередко делают такое требование экономически бессмысленным. Отсюда следует вывод о том, что регрессное распределение должно быть урегулировано договором заранее.

Важно также разграничивать атрибуцию и ответственность. Вопрос о том, чьим действием признаётся действие системы, решается по правилу об атрибуции¹⁰ и относится к действительности сделки. Вопрос о том, на кого ложится вред, решается по критерию контроля и по режиму ответственности. Смещение этих вопросов является источником значительной части доктринальных разногласий.

⁹ Регламент (ЕС) 2024/1689, статья 26.

¹⁰ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об автоматизированном заключении договоров (2024), статья 7.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

6. Трансграничное измерение

Разграничение статей 999 и 1017 имеет не только внутреннее, но и коллизионное значение.

Во-первых, институт источника повышенной опасности не имеет точного эквивалента в системах общего права. Решение, вынесенное на его основе, может встретить затруднения при признании и исполнении за рубежом, тогда как ответственность за недостатки продукции признаётся повсеместно и опирается на сопоставимые конструкции.

Во-вторых, различается и коллизионное регулирование. Для требований из причинения вреда недостатками продукции в европейском праве предусмотрена специальная коллизионная норма с последовательным рядом привязок¹¹, тогда как общий деликтный статут определяется по месту наступления вреда. В Гражданском кодексе Республики Узбекистан специальная норма такого рода отсутствует, и это обстоятельство само по себе является аргументом в пользу осторожного обращения с режимом статьи 999 в трансграничных спорах.

В-третьих, выбор применимого права не устраняет действия императивных норм страны, на рынок которой направлена деятельность. Требования к безопасности продукции, защите персональных данных и защите прав потребителей сохраняют действие независимо от избранного сторонами права¹². Поэтому разграничение режимов ответственности следует проводить с учётом того, что часть требований в любом случае будет применяться в силу их императивного характера.

¹¹ Регламент (ЕС) 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 года о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II), статья 5.

¹² Гражданский кодекс Республики Узбекистан, статьи 1164 и 1165.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

В-третьих, квалификация отношения как договорного или деликтного предшествует выбору применимого права. Если вред причинён контрагенту по договору о предоставлении системы, предпочтительна договорная квалификация, позволяющая сторонам заранее определить и применимое право, и пределы ответственности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Вывод первый. Общее отнесение систем искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности не имеет достаточных оснований. Институт исторически сложился применительно к деятельности, связанной с физической опасностью, тогда как вред, причиняемый такими системами в торговом обороте, носит преимущественно имущественный и информационный характер. Статья 999 Гражданского кодекса подлежит применению лишь в случаях, когда система управляет физическим процессом, механизмом или устройством.

Вывод второй. В остальных случаях разграничение проводится следующим образом: при наличии дефекта системы применяется статья 1017, а при отсутствии дефекта ответственность наступает на общих основаниях по статье 985. При этом статья 1017 сохраняет лишь формальное значение до тех пор, пока не решена проблема доказывания дефекта, поскольку сведения о работе системы сосредоточены у поставщика.

На основании изложенного вносятся следующие предложения.

Предложение первое. Дополнить статью 999 Гражданского кодекса положением, согласно которому применение системы искусственного интеллекта само по себе не образует деятельности, связанной с повышенной опасностью; соответствующий режим применяется в случаях,

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

когда система осуществляет управление физическим процессом, механизмом или устройством.

Предложение второе. Закрепить применительно к статье 1017 опровержимую презумпцию дефекта: при необоснованном непредставлении в споре технической документации, описания данных обучения и журналов работы системы наличие дефекта и причинная связь между ним и вредом предполагаются. За поставщиком сохраняется право опровержения, а режим коммерческой тайны обеспечивается предоставлением ограниченного доступа независимому эксперту.

Предложение третье. Предусмотреть в типовых договорах, применяемых в трансграничных сделках, распределение ответственности по критерию фактического контроля, а также указание функции системы с обозначением того, осуществляет ли она управление физическим процессом. Такое указание позволяет сторонам заранее определить применимый режим ответственности и согласуется с задачами, поставленными в стратегических документах Республики Узбекистан в сфере искусственного интеллекта¹³.

¹³ Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 октября 2024 года № ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года»; Указ Президента Республики Узбекистан от 22 октября 2025 года № УП-189.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // Official Journal of the European Union. L, 18.11.2024.
2. Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws of the Member States concerning liability for defective products // Official Journal. L 210. 07.08.1985.
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. L, 12.07.2024.
4. Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. L 199. 31.07.2007. Art. 5.
5. UNCITRAL Model Law on Automated Contracting. United Nations Commission on International Trade Law. Vienna, 2024. Art. 7.
6. Gesetz uber die Haftung fur fehlerhafte Produkte (Produkthaftungsgesetz) vom 15. Dezember 1989 // Bundesgesetzblatt. I. S. 2198.
7. Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // California Law Review. 2015. Vol. 103. No. 3. P. 513-563.
8. Scherer M.U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies // Harvard Journal of Law and Technology. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 353-400.
9. Gasser U., Almeida V.A.F. A Layered Model for AI Governance // IEEE Internet Computing. 2017. Vol. 21. No. 6. P. 58-62.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th March 2026

Website: <https://econferencia.com>

10. Peng S., Lin C.-F., Streinz T. (eds.). Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 348 p.